
Хэммонд Иннес
КОНКИСТАДОРЫ
История испанских завоеваний XV–XVI веков

Хэммонд Иннес

Конкистадоры. История испанских завоеваний XV–XVI веков

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126143
Конкистадоры: История испанских завоеваний XV– XVI веков / Пер. с англ. Н.И. Лисовой.: Центрполиграф; Москва; 2002
ISBN 5-227-01811-1

Аннотация

Подробное и яркое историческое исследование, повествующее об истории испанских завоеваний в Центральной и Южной Америке, о жизни и деятельности предводителей испанских конкистадоров Эрнана Кортеса и Франсиско Писарро, о тайнах древней культуры инков и ацтеков – коренных жителей Центральной и Южной Америки.

Содержание

Предисловие автора 4
Часть первая 7
Глава 1 10
Глава 2 33
Часть вторая 66
Глава 1 66
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Хэммонд Иннес
Конкистадоры: История испанских завоеваний XV–XVI веков

Предисловие автора

Эпоха Великих географических открытий всегда обладала для меня большой притягательной силой, однако предложение написать книгу по истории – серьезный вызов для любого романиста. Я колебался, принять это предложение или нет. Наконец, три фактора определили мое решение: во-первых, я по натуре рассказчик, а деяния Кортеса в Мексике и Писарро в Перу принадлежат к наиболее впечатляющим за всю историю человечества; во– вторых, все мои романы основаны на реалиях тех стран, в которых разворачивается действие, а потому уважение к истине для меня – глубоко въевшаяся профессиональная привычка; наконец, климатические и ландшафтные особенности страны всегда казались мне ключевым фактором для формирования характера ее народа и истории.

Тем не менее три года изучения документов эпохи и зна-

чительно более объемных позднейших описаний оставили меня далеко не удовлетворенным. Многие документы носили явную политическую окраску и ставили вопросы, ответы на которые можно было найти только там, где в свое время прошли Кортес и Писарро. В результате предпринятых мною путешествий я пришел к пониманию того, насколько местный ландшафт влиял на события и даже подчинял их себе. Но не только ландшафт, а также и море – при этом, надеюсь, мне, как человеку, проведшему в плаваниях немало времени, удалось помочь читателю лучше понять, что значит первым открывать и исследовать берега неизвестных земель.

Я выражаю благодарность доктору Джону Стриту, директору Центра латиноамериканских исследований Кембриджского университета, который прочел данную работу и дал советы по основной ее части; доктору Дж. Бушнеллу, читающему лекции по археологии Нового Света в том же университете, за советы по главам, имеющим отношение к цивилизациям ацтеков[1] и инков. Я благодарен также всем, кто, по должности или неофициально, помогал мне в моих путешествиях и исследованиях в Испании, Мексике и Перу – в особенности сэру Роберту Маретту за информацию о Семпоале, капитану Б. Хокансену за возможность свободно использо-

[1] Все индейские имена и названия приводятся в таком виде, как их произносили, по мнению специалистов, в XVI веке (см. Примечания автора в конце книги); их современное произношение в некоторых случаях отличается. Из этого правила сделано два исключения: сохранено общепринятое название города Мехико (вместо Мешико) и народа ацтеков (вместо астеков). *(Примеч. перев.)*

вать его карты и тридцатилетний опыт плавания у латиноамериканских берегов от Панамы[2] до Кальяо, доктору Дж. Дж. Уилсону за детальную информацию о топографии Анд выше Кахамарки и сеньоре Элехальде за возможность ознакомиться со всеми частными коллекциями Лимы.

Мне бы также хотелось поблагодарить моего друга Джона Хэдфилда за то, что он инициировал этот проект, и Джорджа Спейта, который не только редактировал эту книгу, но и внес в нее огромный вклад в отношении карт и рисунков, многие из которых прежде не публиковались. И наконец, я благодарен, как всегда, моей жене Дороти за ее помощь в работе с текстом, а также за работу по составлению списков наиболее интересных экспонатов в музеях и частных коллекциях, и моему секретарю Норе Андерсон за ее работу с черновиками.

Х. И.

[2] Имеется в виду город Панама, столица Панамы. (Примеч. ред.)

Часть первая
Фердинанд и Изабелла

Фердинанд и Изабелла вступают в Гранаду после победы над маврами. Барельеф, XVI в.

Глава 1
Крестовый поход продолжительностью в восемьсот лет

Как и большинство человеческих феноменов, конкистадоры[3] были продуктом исторического развития. Это испанские авантюристы, исследовавшие и завоевавшие в начале XVI века новые миры во славу Бога и ради собственной выгоды. Они имели за плечами столетия постоянных сражений за освобождение родного Иберийского полуострова от вторжения мавров. Это были закаленные войной люди, крестоносцы, которые, заставляя мавров отступать, основывали королевства и княжества по мере своего продвижения. В 1492 году был взят последний оплот мавров. В начале XVI века формируется новая испанская нация. Восьмисотлетний крестовый поход закончился, и испанское рыцарство, рожденное для седла и меча и вдохновляемое яростным религиозным пылом, внезапно оказалось не у дел. Некоторый выход их энергии дали итальянские войны, однако географическое положение Испании неумолимо указывало на запад, по направлению к Новому Свету, недавно открытому Колумбом.

Люди, завершившие свою последнюю битву с маврами, превратились в рыцарей удачи – иначе говоря, пиратов – и

[3] Конкистадоры *(исп.)* – завоеватели. *(Примеч. ред.)*

последовали за морскими бродягами через море. Они искали новых неверных и оставили за собой столь впечатляющий след жестокости и героизма, что ему не найдется равных в истории европейских народов. Они пылали жаждой золота и вместе с тем были движимы подлинным религиозным порывом.

Странная смесь мотиваций, фантастическая стойкость этих людей, их способность прокладывать себе путь вероломством и силой сквозь армии, в сотни раз превосходящие их численно, не поддаются воображению и требуют основательных объяснений.

Как это бывает в истории, важную роль сыграли географическое положение и природа страны. Иберийский полуостров – ultima thule[4] Западной Европы. Часть его береговой линии идет вдоль Средиземного моря, часть – вдоль Атлантического океана. Южная оконечность полуострова смотрит прямо на Африку, отделенную от него десятью милями Гибралтарского пролива. Именно через этот пролив четыре тысячи пятьсот лет назад сюда пришли первые завоеватели. Но они не были последними. Поскольку Испания располагается на периферии средиземноморского культурного пространства, а ее реки и богатые долины разделены между собой горами, влияние сначала финикийских, а затем греческих торговцев было ограничено южным и восточным побережьем, так же как и влияние Карфагена, начавшееся около

[4] *Крайний предел (лат.). (Примеч. перев.)*

450 года до н. э. и продолжавшееся три столетия. Более важным в этот период оказался приход из-за Пиренеев кельтов, смешавшихся с народами Центрального плоскогорья, что дало в результате народ кельтиберов. Карфагеняне никогда не имели сильной власти в стране, так что римляне, с помощью политики примирения, постепенно вытеснили их. Поначалу это проникновение было обусловлено необходимостью защиты итальянского отечества от вторжений двух великих карфагенских генералов – Гамилькара и Ганнибала. Однако к 197 году до н. э. римляне настолько закрепились на полуострове, что территории, ранее оккупированные Карфагеном, определились уже как две римские провинции – Hispania Ulterior и Hispania Citerior[5]. Политика примирения сменилась теперь более определенным курсом, и за последние два столетия до нашей эры римские легионы уверенно завоевали весь полуостров. Кельтиберы, сосредоточенные в долинах Дуэро и Тахо, не были покорены Карфагеном. Как все кельты, они были храбры и свободолюбивы. Полстолетия они сдерживали напор римлян, но в 133 году до н. э. потерпели поражение от Сципиона и после этого входили существенной частью в римские наемные войска.

Почти пять столетий страна жила в мире, и таким образом, влияние Рима на развитие испанской культуры трудно переоценить. Население приняло христианство, люди жили по римским законам, а благодаря местным природным

[5] Испания Дальняя и Испания Ближняя.

условиям и римскому обычаю держать в провинциях гарнизоны резко возросло значение городов в ущерб племенному укладу жизни. Но в начале V века н. э. Испания вместе со всей Европой пострадала от вакуума власти, вызванного закатом Рима. Из Европы хлынули вандалы, аланы и свевы, за которыми еще через пятьдесят лет последовали вестготы. Завоеванные романо-испанцы остались католиками и продолжали жить по своим римским законам, тогда как завоеватели, которые были христианами арианского[6] толка и чья социальная структура основывалась на германских обычаях, образовали тевтонскую элиту под началом собственных выборных королей. Однако к началу VII века, с обращением короля в католицизм и согласием на это значительной части арианского духовенства, расовая сегрегация двух народов перестала быть эффективной. Латынь стала официальным языком, католические епископы начали играть ведущую роль в политике, и около 654 года была установлена единая законодательная система. Отчасти римский, но в основе своей германский, формировавшийся кодекс законов (Forum Judicum) стал могучей силой, пережившей королевство вестготов на много столетий и давшей основу для местных кодексов, или фуэрос, средневековых испанских городов. Более того, в результате унификации закона и религии пали барьеры между завоевателями и завоеванными. Смешанные браки, запрещенные римскими, но не вестготски-

[6] См. арианство. *(Примеч. ред.)*

ми обычаями, теперь привели к смешению рас, и Иберийский полуостров сделался единым – во главе с королем, попрежнему остававшимся выборным и не передававшим своей власти по наследству. Несмотря на то что верховенство вестготов было недолгим, они оказали необычайно сильное влияние на испанский народ и обычаи. Именно это влияние сделало средневековую Испанию совершенно непохожей на остальную Европу того времени.

Третьим фактором, оказавшим решающее влияние на испанский менталитет, оказались нахлынувшие в 711 году из-за Гибралтарского пролива исламские орды. За семь лет мавры – в основном североафриканские берберы, но также арабы и сирийцы – завоевали почти все испанское королевство вестготов и убили короля Родерика. Затем они хлынули через Пиренеи на земли франков. Только северное и северо-западное Атлантическое побережье, защищенное своими горными бастионами, осталось независимым, чтобы позже стать ядром новых христианских королевств.

Существенная слабость новоявленного мусульманского государства заключалась в следующем: Испания управлялась как провинция. Она подчинялась, скорее номинально, сначала далекому Дамаску, затем Северной Африке. Из этого неизбежно вытекало, что, стоило ослабеть центральной власти, страна тут же распадалась на более мелкие провинции. Кордова, Севилья, Гранада, Валенсия, Толедо, Бадахос, Сарагоса – все они в то или иное время были отдельными

государствами. Границами служили горы, долины, реки или береговая линия. Тем не менее, несмотря на слабости системы власти, мусульмане оставались в Испании на протяжении почти восьми столетий.

Основой владычества мавров служили арабская кавалерия и религиозный фанатизм. Это были завоеватели, несущие слово Пророка на острие ятагана, а их быстрые арабские скакуны являлись средством вонзить ятаган в цель. Поначалу христиан не вынуждали менять свою религию или свои законы. Кроме того, мусульманское вторжение принесло в Испанию культуру и знания более древней цивилизации Восточного Средиземноморья. Развитие ирригации сделало засушливые земли пригодными для сельского хозяйства. Поощрялось образование; росла грамотность городского населения; процветали музыка, поэзия, искусства и науки, в особенности математика.

Но войны продолжались. Свободные христиане из своих горных твердынь спускались в долины в поисках лучшей жизни. Они ненавидели неверных, захвативших лучшие земли страны, и разжигали в себе религиозный пыл не менее яростный, чем тот, что привел в Испанию мавров. Другие европейские страны могли снаряжать дальние крестовые походы ради освобождения Святой Земли от сарацин; испанцы же, отрезанные от остальной Европы грозным барьером Пиренеев, всегда стояли перед лицом внутреннего крестового похода. Их воинским кличем было: «Крест и Святой Иаков».

Всякий мужчина, притязавший на сколько-нибудь благородное происхождение, рассматривал себя исключительно как боевую машину. Это было его работой, его жизнью, неотъемлемой частью его веры в течение восьми столетий.

Крестовый поход против мавров, однако, не был непрерывным, так как испанцы несли на себе проклятие междоусобной вражды. В силу расовых предрассудков и особенностей местности они были раздроблены на мелкие государства, основой которых служили укрепленные города или замки исторической знати; им недоставало национального единства и общности интересов, необходимых, чтобы сбросить захватчиков в море. В самом деле, на междоусобные стычки уходило больше времени, энергии и крови, чем на борьбу с маврами, и только притягательная сила цветущих долин, так хорошо обработанных завоевателями, заставляла христиан спускаться вниз с мрачных горных вершин. В случае успеха испанцы ненадолго закреплялись на равнинах и сами возделывали землю и собирали урожай, но не могли защититься от молниеносных контратак арабской конницы. Только после того, как захватчики были отброшены за реку Дуэро, появилась возможность воздвигнуть вдоль этого естественного барьера надежные оборонительные укрепления. Это произошло через полтора столетия эпизодических, незначительных сражений. Затем должно было миновать еще шестьсот лет, прежде чем испанцам удалось выйти к реке Тахо.

Тем не менее единство веры перевешивало междоусобные разногласия. Испанцы в своей гордыне могли роптать на растущее могущество папы, но сами они были ревностными воинами Христа, а их священники приобретали все большее влияние как в делах государства, так и в военных делах. Менестрели воспевали деяния рыцарей в стихах, а такие великие поэмы, как, например, «Песнь о моем Сиде», оказывали на воинов необычайное моральное воздействие, поднимая рыцарский дух до вершин романтического героизма.

К середине XV века мавры наконец были вытеснены в их южный оплот – Гранаду, а мелкие государства христианской Испании сложились в три королевства – Португалию, Кастилию и Леон и Арагон; при этом маленькое королевство Наварра осталось изолированным и независимым в твердынях Пиренеев. Наконец, с 1479 года Испания – единое государство, и не далек тот день, когда она станет колониальной империей.

Пионерами золотого века открытий стали португальцы. Взятие в 1415 году мавританского города Сеуты (за Гибралтаром) послужило для них началом долгих и дорогостоящих поисков пути к специям Молуккских островов. Корабль за кораблем отправлялись из устья Тахо[7] в Атлантику, исследуя океан, воды которого, как считали в ту пору, ревущим водопадом переливались где-то через край мира.

Тесные контакты с маврами дали этим мореплавателям не

[7] В Португалии – Тежу. *(Примеч. перев.)*

только средства навигации, но и новый тип судна – каравеллу. Последующие поколения этих судов и по сей день можно увидеть в устье Тежу, где эти широкие с мелкой осадкой суда для перевозки вина известны как fragatas. Каравелла с ее латинскими парусами, унаследованными от арабского дау, оказалась первым океанским судном, способным двигаться против ветра без применения весел. Это обстоятельство открыло дорогу португальским мореплавателям. Им воспользовался сын короля Португалии Жуана I – Энрике, прозванный Мореплаватель.

Этот необыкновенный принц, охваченный неукротимым желанием исследовать мир, что лежал за пределами существующих карт и схем, расположил свой двор на мысе Сагриш, в крайнем юго-западном углу своего королевства, известном теперь как мыс Сан-Висенти. Это невысокий скалистый мыс, вдающийся далеко в море, единственное место в этой части побережья, где можно видеть Атлантический океан не только на западе, но и на юге. Всякий, кто проходил на парусном судне мимо этой выступающей точки суши, идя на всех парусах с попутным северным ветром – португальским пассатом, – преобладающим летом в этих местах, поймет, как в дни господства судов с прямым парусным вооружением внимание моряков неизбежно притягивал к себе юг, таивший новые открытия.

Здесь, в настоящем штабе военно-морских операций, принц Энрике собрал картографов, астрономов, мореходов.

Здесь он давал указания своим навигаторам, посылая их вдоль побережья Африки в упорных попытках проникнуть за рифы мыса Бохадор, так как именно в этой точке все предыдущие путешественники сходили с маршрута волею северо-западного пассата и северного экваториального течения, смертельных для судов с прямыми парусами.

Попытки принца не приносили результата четырнадцать лет. Однако в 1434 году один из наиболее отчаянных навигаторов Энрике, Жил Эанеш, прошел по морю до конца этого пятнадцатимильного барьера рифов и затем пробился на своей каравелле обратно против ветра и подошел к плоскому песчаному берегу Сахары. Бохадор, тысячу лет являвшийся южным пределом Атлантики, был наконец покорен, и после этого капитаны Энрике быстро проникли на юг вдоль Африканского побережья. На всех существовавших тогда картах, относившихся к Финикийскому походу вокруг Африки почти за 600 лет до Рождества Христова, этот материк был показан значительно меньшим. К 1458 году португальцы достигли реки, названной ими Рио-Гранде, и, увидев, что берег уходит дальше к юго-востоку, решили, что они обогнули половину материка. Это было в 1460 году, к моменту смерти Энрике. Но, как вскоре выяснилось, праздновать успех было рано.

Годом позже они пересекли залив Биафра и обнаружили, что побережье Африки, оказывается, идет дальше к югу. Для мореплавателей это оказалось горьким разочарованием.

После этого интерес португальцев к исследованию Африканского побережья упал. Однако страна, вся жизнь которой была направлена на торговую экспансию, не прекратила исследования только потому, что ее надежды не оправдались. Потерпев неудачу в одном направлении, португальцы, без сомнения, должны были направиться в другом. У них были суда, люди и опыт. И здесь возникает вопрос, бередящий с тех самых пор душу любого человека, изучающего историю мореплавания: куда направились португальские суда после 1461 года? Насколько раньше португальцы с готовностью делились своими знаниями, настолько теперь они, подобно финикийским торговцам, ввели политику абсолютной секретности. Вводится смертная казнь за разглашение информации о путешествиях. Даже в 1503 году картограф Хуан де ла Коза, баск по происхождению, составивший тремя годами ранее свою Mappemunde[8], был освобожден из-под ареста только после того, как изготовил две фальшивые карты для отправки в Испанию.

Сконцентрировав усилия на морской экспансии, Португалия буквально изолировала себя от основного потока событий на Иберийском полуострове. Тем временем два других больших королевства, Кастилия и Арагон, также достаточно окрепли. Кастилия (вместе с Леоном) простиралась от побережья Бискайского залива, где жили баски, на юг через горы и текущие на запад реки Центральной Испании, через все

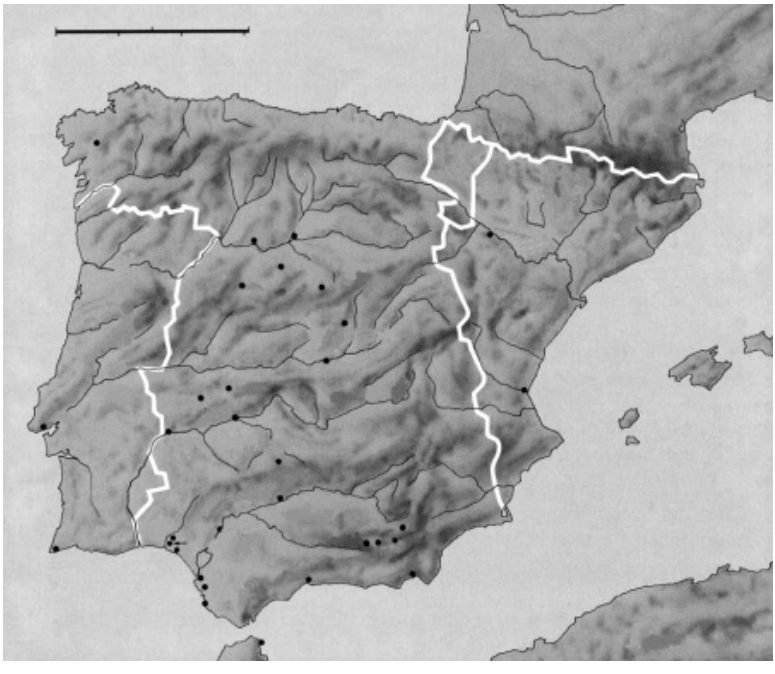
[8] *Карту мира. (Примеч. перев.)*

земли, отвоеванные ее солдатами у мавров, до укрепленной твердыни исламской Гранады. Долгая история войны привела к тому, что все кастильские города превратились в крепости, а их жители – в воинов. Тем, кто селился на вновь отвоеванных землях, особенно жителям пограничья, первыми лицом к лицу встречавшим ответные удары, даровались особые привилегии. Таким образом, города и села оказывались заселенными свободными людьми, которые жили по собственным демократическим законам и управлялись собственными выборными чиновниками; и это в то время, когда вся остальная Европа была феодальной и множество людей находились в крепостной зависимости.

Арагон, с другой стороны, превратился в торговое королевство, особенно после того, как союз с Каталонией и позже завоевание Валенсии предоставили ему контроль над всеми портами Восточносредиземноморского побережья. Там, где Кастилия опиралась на сухопутную армию, состоявшую из знати и ополчения, Арагон полагался на моряков и корабли, с помощью которых были завоеваны Балеарские острова, Сардиния и даже Сицилия.

19 октября 1469 года Фердинанд, восемнадцатилетний король Сицилии и наследник арагонского трона, женился на Изабелле, девятнадцатилетней сестре короля Кастилии Энрике IV. Важность этого союза стала очевидной десять лет спустя, когда, со смертью отца Фердинанда, Кастилия и Арагон оказались объединены личностями двух энергичных и

умных людей. Так, собственно, родилась Испания. Однако не обошлось без эксцессов. В момент смерти полубезумного короля Энрике IV положение Кастилии было хуже, чем когда-либо со времен падения королевства вестготов. Король Португалии Альфонсо поддерживал притязания на трон Хуаны, дочери Энрике. Тринадцатилетняя Хуана была помолвлена с португальским принцем Жуаном, и эта пара была объявлена королем и королевой Кастилии. Началась война за престолонаследие.

Испания в XVI в.

Фердинанд и Изабелла едва смогли собрать пятьсот всадников. Но два месяца спустя под их началом собралась армия численностью уже более сорока тысяч. Правда, состояла она в основном из плохо обученного ополчения. Потерпев поражение при Торо, Фердинанд перешел к тактике партизанской войны. И следующее сражение при Торо закончи-

лось сокрушительным поражением португальцев. Тем не менее война продолжалась четыре с половиной года, и к концу ее Фердинанд и Изабелла получили полное представление о качествах друг друга, о стойкости и гибкости перед лицом несчастий. Они были готовы к борьбе за выполнение своей главной задачи – окончательного изгнания неверных и объединения страны. Но сначала необходимо было реорганизовать собственное королевство.

Внутренней разлагающей силой в Кастилии всегда было могущество знати; ведь даже само название страны происходит от множества укрепленных замков[9]. В длительной борьбе с маврами высшее дворянство обеспечивало основную численность армии короля за счет своих вассалов. Предводителями этих отрядов были менее знатные дворяне – идальго и кабальеро, рыцари, составлявшие кавалерию. Города и их ополчение всегда были в первую очередь оборонительной силой. Неудивительно, что знать, несшая на себе основные военные расходы, делила добычу со своим сувереном. В результате их владения становились еще больше, и на протяжении многих лет могущество и богатство всех категорий дворянства только возрастало. Дворянство не облагалось налогами и было привилегированным классом, стоявшим над законом; дворянина нельзя было посадить в тюрьму за долги и подвергнуть пытке; он мог даже нарушить верность своему суверену и служить его врагам. Таким образом, едва цен-

[9] *Замок (от исп. castillo). (Примеч. перев.)*

тральная власть ослабевала в руках неумелого монарха, страна тут же раскалывалась на бессчетное количество маленьких государств.

На момент вступления на престол Фердинанда и Изабеллы знать была всесильна, а ее владения больше и богаче, чем когда-либо. Однако существовала одна организация, им не подчинявшаяся. Это Священное Братство городов (Santa Hermandad), своего рода полицейские силы, формировавшиеся для поддержания общественного порядка. Их заботой было предотвращение обычных преступлений, но, поскольку злоупотребления знати доходили до того, что их собственные действия или действия их вассалов часто противоречили обычному уголовному праву, восстановление и расширение Братства по инициативе Изабеллы встретило со стороны знати сильное сопротивление. Но королева сумела настоять на своем, и в 1485 году был введен новый кодекс законов. В каждом городе, где жило не менее тридцати семей, был образован суд из двух алькальдов и введена конная, хорошо вооруженная полиция для выполнения приговоров. В результате бандиты и военные, чинившие беспорядки по всей стране, были быстро подавлены. Братство оказалось мощным инструментом в твердых руках королевской власти.

Один за другим сильнейшие кланы, чьи давние распри до этого момента питали анархию, были изгнаны в свои поместья, а аннексированные ими земли и замки возвращены короне. Вся законодательная система была тщательно пере-

смотрена, власть тайного совета, состоявшего исключительно из представителей знати и духовенства, значительно урезана, позиции суда алькальдов усилены, в Вальядолиде был образован постоянный верховный апелляционный суд. Достоинство и законопослушание стали теперь путем к продвижению по службе. Более того, было восстановлено право короны представлять уроженцев своей страны на вакантные должности в церковных епархиях королевства, и Изабелла смогла помочь ученым и благочестивым мужам занять высокие места в церковной иерархии. И тем не менее именно эта выдающаяся женщина открыла свои владения одному из величайших зол в истории человечества.

Человеком, введшим инквизицию в Испании, стал духовник королевы, Томас де Торквемада, монах-доминиканец. В ту пору евреи в Испании были очень многочисленны; великие путешественники, врачи, писатели, ученые – они внесли наибольший вклад в науку и культуру того времени. Но, во-первых, считалось, что именно евреи содействовали вторжению мавров; во-вторых, они были прирожденными ростовщиками и, как таковые, были ненавидимы. Их богатства вызывали зависть, и по мере убывания мавританского могущества евреи подвергались все большим преследованиям. Фанатичные церковники, особенно доминиканцы, призывали к введению Святой палаты[10]. Фердинанд дал свое согласие, и 1 ноября 1478 года папа выпустил буллу, санкционировавшую

[10] Святая палата – официальное название инквизиции. *(Примеч. ред.)*

действия инквизиторов.

То, что в 1231 году возникло в качестве противодействия распространению манихейской доктрины на части территории Франции и Италии, причем больше с целью обращения в истинную веру, нежели наказания, к XV веку превратилось в значительно более всеобъемлющий и коварный инструмент. В Испании же инквизиция свирепствовала более, чем где-либо. Первый эдикт, выпущенный инквизиционным судом, требовал от всех содействия не только в задержании, но и обвинении любого, подозреваемого в ереси. Атмосфера в стране настолько накалилась, а число арестованных настолько выросло, что инквизиторы почли за благо переехать в огромную крепость Триана. Поводом для ареста граждан-евреев могли послужить слухи или такие шаткие доказательства, как ношение праздничной или просто более чистой одежды в день еврейской субботы, питье какого-либо особым образом приготовленного напитка или употребление в пищу мяса собственноручно зарезанного животного. Анонимность свидетелей соблюдалась настолько строго, что жертве сообщалась только сильно искаженная версия обвинения. Участие защитника допускалось, но он не мог общаться со своим клиентом. Каждое изменение в показаниях свидетелей превращалось в предмет нового обвинения. Слушания велись втайне. Апелляции не принимались. Пытки становились обычной процедурой, но ничто из того, чему XX век был свидетелем, не может сравниться с ужас-

ным финальным спектаклем – аутодафе. Сожжение служило высшей мерой наказания. Европа тогда только-только начинала выходить из Темных веков, и время это не отличалось чрезмерной чувствительностью. Но аутодафе с его тщательно разработанным ритуалом было чем-то большим, чем просто публичной казнью; в этом действе, впервые после финикийцев, убивавших первенца во славу Ваала, тогдашний мир ближе всего подошел к религиозному жертвоприношению. Говорят, что за восемнадцать лет, которые Торквемада провел в должности генерал-инквизитора Кастилии и Арагона, подобной смертью (аутодафе) умерло более десяти тысяч человек. Все это производило на слабых, суеверных и отсталых людей чрезвычайно сильное впечатление. И все же конкистадоры (большинство из которых, должно быть, хотя бы раз присутствовало на аутодафе) не могли скрыть свой ужас, столкнувшись с другой нацией, практикующей человеческие жертвоприношения во имя религии.

Одиннадцать лет (1481–1492) Кастилия в основном была занята войной против Гранады, и здесь необходимо хотя бы кратко рассказать о ней, так как действия Фердинанда и его командиров послужили образцом для более поздних колониальных завоеваний.

На ранней стадии война эта велась скорее местной знатью, нежели короной, а страдали при этом больше всего крестьяне, оказавшиеся в зоне военных действий.

Отряды обеих сторон, привыкшие за столетия войны до-

бывать все необходимое у местных жителей, редко уничтожали посевы и жилища, это была их законная добыча, а зачастую и единственная форма расчетов со своими воинами. Но в 1484 году была введена тактика выжженной земли, и тридцать тысяч фуражиров шли с войсками, забирая по пути все, что попадалось под руку, и создавая широкую полосу запустения вдоль всего маршрута движения. Затем арагонский флот блокировал мавританские порты. Испытывая недостаток артиллерии и другого вооружения, мавры начали смазывать ядом наконечники стрел своих арбалетов. В то же время усилия Изабеллы по поддержанию войны начали приносить результаты. Ополчение, набранное во всех, даже самых отдаленных провинциях, проходило обучение и становилось чем-то вроде иррегулярной армии. Со всех концов Европы в страну стекались добровольцы, вдохновляемые религиозным пылом или по зову рыцарского долга. Один за другим пали аванпосты Гранады, и в 1487 году Фердинанд двинулся на Малагу с более чем пятидесятитысячным войском. Этот город, павший после трехмесячной осады, был подвергнут наиболее жестокому обращению в назидание остальным. Всему населению города, собранному во дворе огромной крепости над морем, сообщили, что треть из них будет отправлена в Африку для обмена на христианских пленников, треть – продана в рабство, чтобы окупить расходы на войну, а остальные розданы в качестве рабов в другие страны в качестве благодарности за оказанную помощь.

Объявив такой приговор целому городу, Фердинанд в то же время предложил и альтернативу – огромный выкуп, который следовало уплатить в течение девяти месяцев. Несчастные мавры не имели никакой надежды собрать такую сумму, однако заявление возымело желаемый эффект. Каждая семья отдала все припрятанное добро в надежде таким образом откупиться от рабства.

С городом Баса поступили иначе. Этот город-крепость в мае 1489 года был обложен войсками Фердинанда, насчитывавшими к тому моменту уже почти сто тысяч. Баса сдалась только 4 декабря того же года, причем условия сдачи были в высшей степени великодушными. Населению дали возможность уйти в Гранаду со всем движимым имуществом или остаться в качестве подданных испанской короны. Сиди Яхье, возглавлявший оборону, был даже приглашен на королевскую службу. Это также был умный ход. В результате визита Яхье к родственнику, Эль Сагалу, города Альмерия и Гуадикс сдались на тех же условиях, что и Баса. Чрезвычайная жестокость, проявленная королевскими войсками в Малаге, и столь неожиданная мягкость по отношению к сдавшимся позже городам в результате ослабили волю Гранады к сопротивлению, когда в апреле 1491 года этот главный оплот мавров подвергся осаде. Прикрытая с одной стороны горным барьером Сьерра-Невада[11], Гранада была мощной крепостью, которую окружала плодородная равнина. Поначалу

[11] Хребет в Андалусских горах. *(Примеч. ред.)*

осада носила странный характер. Между враждующими сторонами словно бы царила атмосфера турнира; мавры выезжали из города, по одному и группами, чтобы поучаствовать в рыцарских стычках на фоне пышно цветущей природы. Испанские правители всячески поддерживали театральность этого действа. Но видимость была обманчива. Решимость испанцев довести дело до конца стала очевидной, когда они превратили свой лагерь в настоящий укрепленный город. Санта-Фе был построен за три месяца, и его сооружение сильнее, чем любой штурм, подорвало боевой дух мавров. Переговоры о сдаче начались в октябре, и 2 января 1492 года город открыл ворота испанцам на еще более либеральных условиях.

Всего четыре месяца спустя громкие требования народа привели к изданию эдикта, представленного Торквемадой, об изгнании евреев. Это было суровым возмездием за неспособность евреев слиться с основным населением, но, по сути, оно не было чем-то большим, чем в других европейских странах, которые делали то же самое, но с меньшим шумом. Когда наконец пала Гранада, религиозный энтузиазм испанцев достиг своего пика, а несколько лет деятельности инквизиции и публичных аутодафе воспламенили ненависть народа к еретикам. Кроме того, сказывалась нетерпимость к инородцам новообретенного национального единства. Евреи бежали тысячами в Португалию, Африку, Италию, Турцию и

Левант[12]. В результате Испания оказалась в проигрыше, поскольку евреи представляли собой наиболее культурную, деятельную и знающую часть общества.

[12] Общее название стран, прилегающих к восточной части Средиземного моря (Сирия, Ливан, Израиль, Египет, Турция, Греция, Кипр); в узком смысле – Сирии и Ливана. *(Примеч. ред.)*

Глава 2
Рождение империи

Вот каким был мир, в котором родились конкистадоры: мир религиозной и расовой нетерпимости, сражающихся за веру рыцарей и марширующих армий, мир войн, разорения и всевозможных перемен. Воспитывались они под влиянием воинствующего религиозного пыла и ощущения непобедимости испанского оружия. Сантьяго и Дева Мария – какая еще поддержка требовалась мужчине, когда его конь с грохотом несся в сражение? Два величайших конкистадора родились в одной и той же провинции – Эстремадуре: Эрнан Кортес – в 1485 году в небольшом городе Медельин, Франсиско Писарро – на десять или двенадцать лет ранее в городе Трухильо. Кроме того, между ними существовали и родственные связи. Кортес был сыном Мартина Кортеса де Монрой и доньи Каталины Писарро Альтамарино. Кортесы, Монрои, Писарро и Альтамарино – старинные знатные роды, так что его родители были идальго. Писарро был сыном Гонсало Писарро, пехотного полковника, позже служившего и отличившегося в Италии под началом Великого капитана Гонсальво де Кордовы. Он был, однако, незаконно– рожденным, плодом связи отца с Франсиской Гонсалес, женщиной низкого происхождения из Трухильо.

Эти два человека, Кортес и Писарро, встретятся только

однажды, может быть, дважды, за время своей деятельности. Оба обладали необыкновенной храбростью. Оба были авантюристами, солдатами удачи, людьми, рожденными для лидерства в эпоху средневекового рыцарства, когда единственным достойным делом для джентльмена, воистину единственным его raison d'etre[13], была война. Более того, их родиной была Эстремадура, и именно в этой суровой горной местности они набрали лучших своих людей.

Если вы будете путешествовать по плато Эстремадура сегодня, то найдете его мало изменившимся. Каменный дуб по-прежнему затеняет значительные пространства страны своей темно-зеленой листвой; его огромные желуди по-прежнему служат кормом для свиней, лошадей и крупного рогатого скота и даже обеспечивают минимально достаточный рацион для человека; поселения на холмах по-прежнему представляют собой всего-навсего россыпи хижин, разбросанных по голым скальным отрогам, а деревни – в основном одноэтажные коттеджи, выстроившиеся вдоль мощенных булыжником улиц, спускающихся к центральной водосточной канаве. Вершины холмов увенчаны старыми замками или великими твердынями, такими, как Белалькасар. В Медельине, в городе под стенами огромного замка, до сих пор сохранились следы дома Кортесов, стоит также его статуя, а имя стало очень распространенным. В Трухильо же на площади можно увидеть Писарро на бронзовом боевом ко-

[13] *Смысл существования (фр.). (Примеч. перев.)*

не, а если пройти внутрь старых стен вверх по извилистым улочкам этого сохранившего средневековый облик города, вы внезапно выйдете к церкви Санта-Мария, единственной церкви внутри городских стен; поднимитесь на колокольню, и вы увидите внизу те же серые каменные дома, которые видел Писарро еще ребенком.

Однако наиболее глубокое впечатление производит сельская местность. Эта суровая страна мало изменилась, здесь и сегодня живут того же типа люди, как те, кого Кортес и Писарро набирали для своих экспедиций: невысокие, крепко сбитые, жесткие, как местные каменные дубы, с темными лицами, которые суровая земля их родины изрезала морщинами. Это пастбищное плоскогорье, где в любом направлении открывается далекая перспектива, а земля убегает прочь, к горам, возвышающимся на горизонте, как острова. Широкие небеса рождают в душе желание путешествовать, и именно это наряду с бедностью этой земли призывало взглянуть, что там, за горами, узнать, как одна перспектива сменяется другой, как на горизонте появляются новые вершины, пока наконец, двигаясь на север, человек не достигал Тахо, несущей свои воды на запад, к Лиссабону, и дальше к океану. Тахо, Гвадиана и Гвадалквивир – все эти реки приносили новости из внешнего мира: сначала об открытиях португальцев в Африке, потом об испанских открытиях за Западным океаном. Этому духу перемен невозможно было сопротивляться, и время было выбрано правильно.

С падением Гранады вдруг оказалось, что неверных, которых надо убивать, больше нет и не с кем больше сражаться за торжество креста. Боевая машина кабальеро внезапно остановилась. Именно в этот момент на сцене появился Христофор Колумб. Этот генуэзский мореплаватель в возрасте примерно тридцати лет оставил море и осел в Лиссабоне. Он женился на португалке, родственник которой, известный морской капитан, оставил ей все свои бумаги, возможно даже судовые журналы. С их помощью Колумб не только изготавливал и продавал карты, но и пришел к убеждению, что, плывя на запад, умелый мореплаватель может обнаружить короткий путь в Индию; он даже лелеял надежду, что за Западным океаном лежат неизвестные земли.

Вряд ли можно поверить, что Колумб придумал все это только на основании слухов и каких-то неопределенных указаний в бумагах умершего капитана. К тому времени португальцы имели уже почти столетний опыт морских исследований. Все это время их влекло к себе не золото, а специи. В те дни специи, в особенности перец, пользовались огромным спросом и применялись для сохранения туш скота, забитого осенью из-за недостатка зимних кормов. Перец в те времена доставлялся с Молуккских островов в Европу через Малайю, Индию, Египет и затем уже сухим путем к Средиземному морю. Этот путь, изобиловавший пиратами и алчными местными правителями, обходился во столько человеческих жизней и средств, что то количество перца, которое

на Молукках покупалось за один дукат, в Европе продавалось за сто пять. Именно эта финансовая приманка порождала мечты португальцев о прямом океанском южном пути вокруг Африки в Индию. Мы знаем, почему их интерес к Африканскому побережью пропал вскоре после смерти Энрике Мореплавателя. Остается, однако, загадкой, почему в договоре, заключением которого закончилась война за наследство в 1476 году, они оставили всякие притязания на земли, лежащие за Западным океаном, и почему внезапно стали настолько скрытными в отношении своих путешествий и открытий.

За два года до того, как Бартоломеу Диашу удалось обогнуть мыс Доброй Надежды, король Жуан II, чей энтузиазм в морских делах не уступал энтузиазму Энрике, отверг просьбу Колумба о финансовой поддержке, заявив, что у него есть «более определенная информация о западных землях, чем измышления этого генуэзца». Неужели португальцы к этому моменту уже исследовали Американское побережье? Это кажется невероятным. Тем не менее нам еще многое предстоит узнать о ранних путешествиях. Только в последние годы мы приняли наконец идею о том, что викинги бывали в Америке за четыре столетия до Колумба. Ирландские монахи на своих карэ – обтянутых кожей лодках – могли оказаться там еще в VI веке. А как насчет финикийцев, державших в тайне подробности своих торговых плаваний? А греки?

Кем был Кецалькоатль, ацтекский бог познания, высокий

и светлокожий, с длинными волосами и развевающейся бородой, пришедший с востока, со стороны восходящего солнца, и исчезнувший в море так же таинственно, как появился? Именно за этого бога ацтекской мифологии мешики потом приняли Кортеса. Также и инки – кем был их Тики-Виракоча? Недавняя находка новой карты служит своевременным напоминанием о том, что за пять миновавших с эпохи португальских открытий столетий утрачено огромное количество жизненно важной информации. В самом деле, признание Колумба первооткрывателем Америки оставляет в тени по крайней мере одно путешествие португальцев, а именно плавание Жоао Вас Корте-Реала в 1472 году. Полдюжины стран, в том числе Португалия и Дания, признают Жоао Вас Корте– Реала истинным первооткрывателем Америки. Морской путь, которым ходили длинные суда викингов и, вероятно, скорлупки ирландских монахов, пролегал через Исландию и Гренландию. Открытые морские переходы на этом пути нигде не превышают четырехсот миль, кроме того, датчане регулярно преодолевали первые три из них. Почему бы не предположить, что и последний тоже?

Подобные рассуждения еще более применимы ко времени Колумба, и хуже всего то, что мы не знаем, на какой информации основывалась его убежденность в возможности достижения земель, лежащих за Западным океаном. Зато нам известно, что он был настолько поглощен этой идеей, что, не получив для нее поддержки в Лиссабоне, отправился в Ис-

панию. Война с Гранадой была в этот момент в самом разгаре, и ни у кого не нашлось ни времени, ни денег для подобных фантастических предприятий. Он попытался договориться с аристократами Средиземноморского побережья, но снова потерпел неудачу. Тем не менее интерес был разбужен, и, когда Гранада наконец пала, Фердинанд и Изабелла были готовы прислушаться к его доводам. 17 апреля 1492 года в Санта-Фе они подписали капитуляцию, назначив его адмиралом, вице-королем и генерал-губернатором всех островов и земель, которые ему удастся открыть в Западном океане, с юрисдикцией над всеми коммерческими операциями и правом на одну десятую полученной прибыли и еще на одну восьмую, если он внесет соответствующую долю расходов на экспедицию.

Большинство торговцев и моряков тех дней считали Колумба чудаком, поэтому в главных портах Севильи и Кадиса он получил мало поддержки. И только Алонсо Ниньо, торговец из Могера, лежащего в устье Рио-Тинто, и семейство судостроителей Пинсон наконец согласились его финансировать. К концу июля 1492 года его маленькая флотилия, состоящая всего из трех судов – «Санта-Ма– рия», карака водоизмещением около 80 тонн, и две маленькие каравеллы, «Пинта» и «Нинья» (женский вариант имени Ниньо), – стояла в небольшом порту Палос-дела-Фронтера в небольшом речном заливе, примерно в миле от открытого моря. В настоящее время сам залив заилился, однако в самом Пало-

се можно еще увидеть фонтанилью, или домашний источник, из которого матросы Колумба в последний раз наполнили водой свои бочонки. После освящения в церкви Могера суда спустились по реке к бару[14] у Сальтеса. В монастыре Ла-Рабида, стоящем на невысоком холме у устья реки, и по сей день хранится изваяние Богородицы Милагрос, к которой Колумб обратил свои последние молитвы за успех путешествия. Он отплыл 3 августа, его адмиральский флаг развевался на «Санта-Марии», а капитанами судов были три представителя семейства Пинсон. Именно в устье Рио-Тинто стоит сейчас огромная статуя Колумба, обращенная на запад, к Новому Свету. В остальном река изменилась мало, она попрежнему медленно течет широкой водяной лентой, а ниже Ла-Рабиды можно увидеть небольшой широкий залив, в высшей степени подходящий для якорной стоянки небольших каравелл, которые строили в то время Пинсоны. Всего под началом Колумба в этом путешествии находилось порядка сотни моряков и искателей приключений.

Колумб увидел Багамские острова 12 октября. Он побывал на Кубе и Гаити, где высадил людей для основания первой испанской колонии в Новом Свете. Его флагман потерпел крушение, и он вернулся на «Нинье», придя в Палос 15 марта 1493 года после короткой стоянки в устье Тахо. Двору Фердинанда и Изабеллы он представил доказательства сво-

[14] Бар – наносная отмель, образующаяся в море против устья реки. *(Примеч. перев.)*

их открытий – грубо сделанные золотые украшения, образцы растений, животных и птиц, а также шестерых островитян. Это была экзотическая процессия, первая крупица тех богатств, которым суждено было прибыть из Индий для поддержки испанского оружия и притязаний. Она также символизировала отмщение за все, что пришлось вытерпеть Колумбу за многие годы, – за недоверие, клевету и грубые отказы.

Надежды, рожденные открытиями Колумба, были столь велики, что во главе конторы для управления делами Индий в Севилье был поставлен Хуан де Фонсека, архидиакон Севильи, проницательный деловой человек, а в Кадисе образована особая таможня. В Ватикан было подано прошение, и папа издал три буллы, подтверждающие право Испании на владение всеми землями, обнаруженными к западу от линии, проведенной между двумя полюсами на расстоянии ста лиг[15] к западу от Канарских островов и островов Зеленого Мыса. Однако Португалия была не согласна с таким делением, и заключенный в Тордесильясе в 1494 году договор провел разделительную линию уже в 370 лигах к западу от островов Зеленого Мыса; такое разделение давало Португалии законные основания для ее закрепления в Бразилии.

Тем временем 25 сентября 1493 года Колумб отплыл в новое путешествие, на этот раз из небольшой бухты Пуэрто-де-Санта-Мария, расположенной напротив Кадиса на противо-

[15] Морская лига равна 3 морским милям (5556 км). *(Примеч. перев.)*

положном берегу залива. Флотилия на этот раз была значительно больше – три караки и семнадцать каравелл; и шло с ним уже полторы тысячи человек. После сорокадневного перехода он обнаружил основанное им на Гаити поселение покинутым. Гаити, называвшийся тогда Испаньолой, был колонизирован заново; однако уже через короткое время стали очевидными все те раздоры и конфликты интересов, которые характерны для каждого успешного завоевания в Новом Свете. Несмотря на то что экспедиция была по тем временам чрезвычайно хорошо оснащена, она с самого начала несла с собой семена беды. Кроме матросов и ремесленников – и среди них, между прочим, большое количество шахтеров, что дает возможность представить себе основные надежды тех, кто финансировал экспедицию, – большинство искателей приключений были наемниками, то есть людьми, искавшими личной славы и выгоды. Также в экспедиции участвовали дюжина духовных лиц и несколько индейцев из числа привезенных первой экспедицией, обращенных в истинную веру и, как предполагалось, готовых стать миссионерами.

Колумб, представлявший собой странную смесь шарлатана, приспособленца и фанатика мореплавания, едва ли был человеком, способным эффективно управлять горячими и непокорными поселенцами. Более того, хотя испанцы и называли его Кристобалем Колоном, он по-прежнему оставался для них иностранцем. Однако основной причиной возникших проблем послужил тот факт, что из искателей при-

ключений не получаются хорошие хозяева. Новая колония должна была давать зерно, а не золото. Индейцы, взбешенные поведением людей, привыкших за время войны разорять завоеванные земли и брать то, что им приглянулось, восстали. В результате погибла треть поселенцев, а неудача с посевами вызвала недостаток пищи. Колумб был вынужден ввести нормы потребления продуктов и обязать каждого человека, каков бы ни был его ранг, работать в поле. Этот приказ вызвал неизбежный результат. В 1496 году, когда Колумб вернулся в Испанию, доход от колонии был невелик, а жалобы многочисленны. Его по-прежнему хорошо принимали при дворе, однако епископ Фонсека был уже менее услужлив, а третью экспедицию из шести судов удалось подготовить только в начале 1498 года.

Отплыв 30 мая из Санлукара-де-Баррамеда, Колумб прошел южнее прежнего маршрута, открыл остров Тринидад и высадился непосредственно на побережье Южной Америки. Прибыв наконец на Испаньолу, он застал там восстание уже самих колонистов. Уладить дело удалось только путем раздачи земель и распределения между колонистами рабов-индейцев для их обработки. Так была установлена порочная система repartimiento[16]. Тем временем в Испанию с каждым возвращающимся судном шли и шли жалобы и обвинения в адрес Колумба, и наконец для их расследования в Индии был

[16] Система «освоения» захваченных земель, заключающаяся в распределении между колонистами земель вместе с проживавшим на них населением *(исп.)*.

направлен специальный комиссар. Этот чрезмерно усердный и претенциозный рыцарь, дон Франсиско де Бобадилья, повелел Колумбу явиться к нему и ответить на обвинения, затем бросил его в тюрьму и наконец отправил Колумба и его брата обратно в Испанию в оковах. Там Колумб, конечно, был освобожден, однако на его место был назначен новый губернатор. Это был дон Николас де Овандо, рыцарь ордена Алькантара. Он отплыл в феврале 1502 года с флотилией из тридцати двух судов и отрядом в две тысячи пятьсот человек, среди которых в качестве добровольца присутствовал будущий победитель индейцев Лас Касас. Масштаб этой экспедиции дает понятие о значении, которое к тому моменту приобрела Испаньола в глазах испанской короны.

Колумб же совершил еще одно большое путешествие, отплыв в марте 1502 года с приказом не посещать колонию на Испаньоле. Переждав шторм и потеряв несколько судов, Колумб отправился далее исследовать Карибское море от Гондураса до Дарьена; два долгих года он пытался найти проход в Азию. Он умер в Вальядолиде в 1506 году, через два года после возвращения в Испанию.

В истории Колумба можно различить многие из тех проблем и испытаний, что принесла с собой в Новый Свет Испания. Интересы испанцев, состоявшие поровну из жажды наживы и осознания своей религиозной миссии, были несовместимы между собой. Люди, отправлявшиеся туда в качестве колонистов, по сути, являлись скорее искателями при-

ключений, чем поселенцами. Их предводители, происходившие из незнатных дворян, были с детства привычны к межродовой вражде, и Новый Свет, далекий от вмешательства и контроля государства, дал полную волю их инстинктам войны и междоусобной вражды. Вместе с матросами, привычными к тяжкому труду во время длинных переходов через Атлантику, они были готовы к открытиям и завоеваниям, но мало к чему еще, и в этом на своей шкуре должны были еще долго убеждаться несчастные индейцы.

Со смертью Колумба факел открытий переходит к уроженцам Испании, к конкистадорам – в первую очередь Кортесу и Писарро. О детстве и юности последнего имеется мало достоверной информации. Полагают, что он был оставлен обоими своими родителями и был найденышем, обнаруженным на ступенях церкви Санта-Мария в Трухильо; существует даже рассказ о том, что он был вскормлен свиньей. Кажется, мало сомнений может вызвать тот факт, что в юности он пас свиней и не имел другого образования, кроме жизненных университетов. Одно из жизнеописаний предполагает, что он вместе со своим отцом участвовал в итальянских войнах и даже плавал с Колумбом. Однако наверняка мы знаем лишь то, что кровь отца позвала его в Новый Свет и в 1509 году, когда Франсиско было уже под сорок, он принял участие в экспедиции, возглавляемой Алонсо де Охеда. Писарро был оставлен во главе поселения в Ураба на материке и

спасся оттуда после того, как намеренно допустил большие потери среди колонистов, с тем чтобы немногие оставшиеся смогли безопасно отплыть на двух имевшихся в их распоряжении небольших суденышках.

Он помогал Бальбоа в организации колонии на Дарьенском перешейке, участвовал в нескольких экспедициях Педрариаса после его назначения губернатором и в 1515 году пересек перешеек с целью торговли с жителями побережья Тихого океана. Он сопровождал Педрариаса, когда тот перенес резиденцию своего правительства в Панаму, однако к пятидесяти годам ему, несмотря на все усилия, нечем было похвастаться, кроме участка бедной земли возле столицы, некоторого количества рабов-индейцев и положения одного из старших капитанов губернатора. И это в то время, когда значительно более молодой Кортес шел на мексиканскую столицу. И все же, несмотря на возраст и отсутствие средств, Писарро в тот момент стоял на пороге трех великих путешествий, новых открытий и необычайных, почти невероятных приключений, которые должны были сделать его властителем Перу и всей империи инков.

В то время как о детстве и юности Писарро можно только строить предположения, в отношении Кортеса все по-другому. Вся его жизнь полностью описана секретарем, Франсиско Лопесом де Гомара, и другими. Как и многие другие великие люди, Кортес был болезненным ребенком, «таким хрупким, что много раз находился на грани смерти». Религиоз-

ные воззрения того времени неизбежно приписывают его выздоровление вмешательству свыше, в данном случае вмешательству святого Петра, случайно выбранного, если верить Гомаре, нянькой Кортеса. В возрасте четырнадцати лет он был отправлен учиться в университет Саламанки. Здесь описания расходятся: одни утверждают, что он изучал латынь, другие – юриспруденцию, третьи рассказывают, что он штудировал грамматику, но через два года из-за болезни, скуки и недостатка денег вернулся домой. Характер этого человека, который позднее проявится в его действиях, позволяет предположить, что он действительно изучал законы и управление, а также латынь, что он был усердным студентом, усвоившим за короткое время большой объем знаний. Можно также предположить, что его активная и амбициозная натура, связанная к тому же недостатком средств в студенческой среде, изобиловавшей сыновьями гораздо более богатых людей, чем его отец, заставила его вернуться домой под предлогом болезни.

0 100 200 300 400 500
0 200 400 600 800

Гомара пишет, что Кортес был «беспокойным, высокомерным, задиристым и всегда готовым к ссоре». Мы видим здесь корректное описание амбициозного юнца, сознающего свои потенциальные возможности и раздраженного провинциальной жизнью маленького городка. В то же время он постоянно выслушивал приукрашенные истории о подвигах испанского оружия в итальянских войнах и необыкновенных возможностях Нового Света. Для горячего юноши, оставившего учение ради деятельной жизни, выбор мог лежать только между Италией и Новым Светом.

Овандо в тот момент снаряжал в Кадисе флотилию из тридцати двух судов и одновременно учился в Касересе в Эстремадуре. Это привело его к знакомству с семейством Кортес, и в результате он согласился, отправляясь к месту службы в качестве вновь назначенного губернатора Испаньолы, взять их сына с собой. Святой Петр, однако, судил иначе. Молодой Кортес в то время уже прилагал свою энергию в другом направлении. В момент бегства из дома замужней женщины под ним обрушилась стена, и, если бы не вмешательство матери, Кортес был бы убит ее разъяренным зятем. С тяжелыми травмами, да еще прикованный к постели четырехдневной малярией, Кортес потерял шанс отплыть в Индии с Овандо; вместо этого он отправился в Италию. Но в

Италию он так и не попал. Гомара пишет, что он около года болтался где-то без дела. Поскольку он вернулся в Медельин с твердой решимостью отправиться в Индии, мы можем с большой долей уверенности предположить, что он провел этот год в опьяняющей атмосфере южных испанских портов.

Шел 1503 год, итальянские войны близились к концу, Индии манили все сильней. Америго Веспуччи уже завершил три из четырех своих широко освещавшихся путешествий. В двух «письмах», или описаниях, в результате публикации которых континент получил его имя (первое из них появилось в «Mundus Novus»[17], второе – в «Cosmographiae introductio»[18]), он утверждал, что побывал к югу от реки Плейт[19], почти у самого Магелланова пролива. Это было его третье путешествие в 1501–1502 годах. Во втором, в 1499–1500 годах, он, полагают, открыл Бразилию, проплыв вместе с Охедой вдоль побережья от 5° южной широты до залива Маракайбо. В этом путешествии с ним был и Хуан де ла Коза, составивший первую карту Нового Света. Один из представителей семейства Ниньо из Палоса, Педро Алонсо, достиг северного побережья Колумбии. Пинсон дошел до устья Амазонки, Лепе также плавал вдоль берегов Бразилии, а некий юрист Бастидас исследовал северное побережье Южной Америки непосредственно до Дарьенского залива. Боль-

---

[17] *«Новый мир» (лат.). (Примеч. перев.)*

[18] «Введение в космографию» *(лат.). (Примеч. перев.)*

[19] Вероятно, имеется в виду Ла-Плата. *(Примеч. перев.)*

шая часть этих судов возвращалась потом в атлантические порты южного побережья Испании, в бухту, именуемую заливом Кадис.

Санлукар-де-Баррамеда, расположенный непосредственно в устье Гвадалквивира, в свою очередь, служил водными воротами в Севилью. Река здесь широка, в нее легко войти, а невысокая скалистая южная оконечность устья обеспечивает некоторую защиту от южных ветров. Оказавшись за баром, который и в наше время сдерживает реку, попадаешь в тихое место с песчаным берегом, облегчающим высадку. Но главной притягательной силой для молодого Кортеса должна была быть сама Севилья – порт, сосредоточенный вокруг Торре-дель-Оро, приземистой круглой башни. Это почти все, что осталось от старых городских стен в месте их наибольшего приближения к реке. Здесь, на темном песчаном пляже, пришедшие из Индий суда выгружали на берег добычу по смазанным салом бревнам. На пристанях толпились матросы, торговцы, искатели приключений и монахи, там же штабелями высились товары, приготовленные для отплывающих судов и, что гораздо больше возбуждало воображение, товары с судов прибывающих – экзотический аромат нового мира.

В Кадисе также кипела новая жизнь, и не только под защитой крепостного вала – оконечности огромной, выгнутой к северу косы, что защищает эту большую естественную гавань, но и в бухте Пуэрто-де-Санта-Мария, откуда однажды

отплыл Колумб. Санлукар, Кадис и Пуэрто-де-Санта-Мария – все они расположены группой на расстоянии нескольких миль друг от друга, приблизительно в шестидесяти милях к югу от Севильи; а примерно на таком же расстоянии к западу от Севильи, на плоской равнине, убегающей к волнистым холмам, расположены илистые бухты Могера, Палоса и Ла-Рабиды на реке Тинто. Они также были охвачены оживлением, импульсами бурно нарождавшейся империи. Открытия и завоевания, мечты о несказанных богатствах, рассказы о кораблекрушениях, штормах и рифах, о золоте, индейцах и странных неизвестных землях – всего этого было более чем достаточно, чтобы разжечь воображение амбициозного юнца восемнадцати лет, твердо намеревавшегося вырубить для себя жизненную нишу.

Кортес отплыл на следующий год с конвоем из пяти торговых судов, направлявшихся в Санто-Доминго, столицу Испаньолы. Кстати, это был год смерти королевы Изабеллы.

Знания об особенностях навигации в Индиях были в то время еще весьма отрывочны. Это едва ли удивительно, так как Карибское море и Мексиканский залив покрыты сложным узором островов, скал и коралловых рифов. Вдоль изрезанных бухтами берегов Центральной Америки проходят быстрые течения, а с начала сентября до середины октября велика вероятность ураганов. В то время даже такой большой остров, как Куба, все еще считался частью материка.

По прибытии в Санто-Доминго Кортес поселился вместе

со своим другом Мединой, одним из секретарей губернатора. Тот посоветовал другу зарегистрироваться здесь в качестве гражданина, что давало право на участок под строительство дома и землю для обработки; это был, безусловно, почерепашьи медленный способ аккумулирования богатства по сравнению со снедавшей путешественника жаждой золота и честолюбивыми мечтами. Без сомнения, губернатор Овандо дал Кортесу тот же совет, поскольку он выделил ему repartimiento и сделал его нотариусом городского совета Асуа. В течение следующих пяти или шести лет Кортес, казалось, был удовлетворен – он занимался торговлей и укреплял свое положение в колонии. В это время он, должно быть, встречался с Писарро, поскольку это было тесное маленькое сообщество. Он чуть не отправился в злополучную экспедицию Никуэзы и Охеды, в которой участвовал Писарро.

От этого его, однако, уберегла некая болезнь, которую секретарь описывает как абсцесс под правым коленом. Другие называют это воспалением лимфатического узла на почве сифилиса. Кортес, поистратив свою энергию, теперь находился в колонии, где женщин его расы почти не было, так что его заболевание было практически неизбежным: говорили, что индианки чаще заражают своих любовников, чем испанки. Он выздоровел, вероятно, благодаря местному средству под названием гуайакан. Но даже самые серьезные последствия этой болезни едва ли могут объяснить загадку останков, эксгумированных в церкви при госпитале Иисуса в Ме-

хико в 1947 году. Их описывают как останки горбатого карлика с неестественно узкой головой, маленьким прямым носом и ограниченной подвижностью правой руки. Поскольку это описание полностью совпадает с изображенным на фреске Диего Риверы чудовищем, напрашивается наиболее вероятное политическое объяснение: современная Мексика сделала все возможное для дискредитации Кортеса. И тело, и изображение на фреске выглядят, конечно, странно по сравнению с описанием Кортеса, которое дал Берналь Диас: «Он был хорошего роста и телосложения, с хорошими пропорциями и сильными конечностями… если бы его лицо было более длинным, он был бы красивее, а глаза его смотрели доброжелательно, но серьезно…» Единственным недостатком, очевидно, был шрам от ножевого ранения на нижней губе, полученный в одном из его любовных приключений и прикрытый бородой, темной и редкой. Кортеса также описывали стройным, с высокой грудной клеткой, хорошей формой спины, но слегка кривоногим, что, без сомнения, объяснялось постоянной верховой ездой.

Портрет молодого Кортеса кисти испанского художника

XVII в. заметно контрастирует с картиной мексиканского художника XX в. Диего Риверы, где Кортес изображен уродливым, с алчным блеском в глазах

В 1509 году в Санто-Доминго в качестве губернатора Индий прибыл дон Диего Колумб, наконец установивший свой наследственный титул как сын и наследник человека, открывшего Новый Свет. Двумя годами позже, заселив остров Пуэрто-Рико, он послал Диего Веласкеса с тремя сотнями людей для завоевания Кубы, островная природа которой была наконец доказана, но которая по– прежнему оставалась практически неисследованной. Для Кортеса, сопровождавшего экспедицию, Куба стала воротами в Мексику. На тот момент ему было двадцать шесть лет, и он по-прежнему служил в администрации помощником казначея, занимавшегося учетом причитавшейся королю пятой части доходов. Аннексия Кубы не заняла много времени. Веласкес был назначен лейтенант-губернатором, а «способный и усердный» Кортес вместе с Хуаном Хуаресом получили на двоих repartimiento. Хуарес особым к нему отношением обязан был тому факту, что Веласкес был влюблен в одну из его сестер. Девицы Хуарес прибыли из Испании в 1509 году с доном Диего Колумбом в поисках богатых мужей, и еще одна из сестер, Каталина, обратила свое внимание на Кортеса.

В теплой тропической атмосфере островов страсти всегда разгораются ярко, и возникшая ситуация напоминала бы чи-

стый фарс, если бы в ней не оказалось скрытых политических течений. Кортес был тогда очень завидным женихом: владельцем шахт, большого количества крупного рогатого скота, овец и лошадей, а также первого дома в новом городе Сантьяго-де-Баракоа. Его склонность к женщинам, однако, отнюдь не сопровождалась желанием жениться на них. Кроме того, его амбиции и положение в новой колонии на Кубе делали его естественным центром интриг для всех тех, кто не был удовлетворен полученными от завоевания выгодами. Кортес мог быть по природе «коварным и осторожным», но теперь он оказался открыт для атаки и в результате различных обвинений помещен Веласкесом под арест и брошен в тюрьму.

Оказавшись перед угрозой суда, причем участвовать в суде должны были люди, которых Гомара называет «ложными свидетелями», Кортес взломал замок, завладел мечом и щитом караульного, вылез через окно и нашел убежище в церкви. Лас Касас дает несколько другое описание происшедшего. По его версии, Кортес был избран группой заговорщиков в качестве представителя и должен был изложить их дело перед испанскими судьями, якобы только что прибывшими на Испаньолу для расследования жалоб, однако его арестовали и едва не повесили.

Далее все происходило как в плохом приключенческом фильме.

Пока Кортес, воспользовавшийся правом убежища в

церкви, вынужден был находиться там постоянно, для него была подготовлена ловушка. Оставалось только выманить Кортеса из-под священного крова. Есть сведения, что в качестве приманки использовали саму Каталину. Так или иначе, его снова схватили, снова заковали в цепи и на этот раз поместили на корабль. Он снова сумел освободиться и, поменявшись одеждой с мальчиком-слугой, спустился с борта в корабельную лодку. Дело происходило ночью, кроме того, гавань в это время была почти пуста. Кортес попытался подняться вверх по реке, но не сумел выгрести против течения. Тогда, не решаясь пристать к берегу, он бросил лодку и добрался до берега вплавь. Документы, касающиеся обвинений против губернатора, были, по– видимому, аккуратно привязаны к его голове.

Оказавшись на берегу, Кортес направился прямиком в дом Хуана Хуареса, брата Каталины. Очевидно, он пообещал жениться на девушке (что, как известно, позже и сделал) и попросил Хуареса о посредничестве в примирении с губернатором. Веласкес в тот момент был в карательной экспедиции против в очередной раз взбунтовавшихся индейцев. Хуарес снабдил Кортеса оружием и, посоветовав на время вернуться в церковь, повел от его имени переговоры с губернатором. Наконец в походном лагере Веласкеса состоялось примирение. «Они пожали друг другу руки и после долгого разговора легли вместе в одну постель, где их и нашел на следующее утро Диего де Орельяна, явившийся к губерна-

тору с запоздавшим сообщением о побеге Кортеса».

Эти небольшие эпизоды служат иллюстрацией политической жизни Нового Света, и Кортес, похоже, понял, что реальной власти можно достичь только путем независимого командования и успешного завоевания незаселенных земель. Кортес готов был ждать. Его дважды избирали алькальдом Сантьяго, и до конца 1518 года он не делал никаких попыток получить независимую власть.

К этому моменту в Испании также произошло немало важных событий, отразившихся и на заморских колониях. Маленькое королевство Наварра сдалось Фердинанду в 1513 году. В январе 1516 года умер сам Фердинанд. Его сменил на троне внук, шестнадцатилетний Карл, бывший через своего отца также наследником Люксембурга, Нидерландов и Франш-Конте, то есть части Бургундии, а через деда – наследником Австрийской империи Габсбургов; кроме того, вскоре он был избран императором Германии. Его матерью была Хуана, дочь Фердинанда, которая по смерти отца стала королевой Арагона и Неаполя. Великий кардинал Хименес, архиепископ Толедо, был назначен регентом Испании, включая ее владения в Италии, Африке, Франции и Новом Свете. За два года регентства Хименес проделал для юного короля Карла огромную работу по консолидации владений. Поощряя городскую милицию, он сумел предотвратить выступление знати, недовольной правлением короля, зависимого от мнения фламандских советников; он удержал Наварру под

властью Испании; на юге укрепил оборону страны. С помощью сильного флота ему удавалось сдерживать средиземноморских корсаров. Он реорганизовал финансы страны, запутанные в последние годы правления Фердинанда, в особенности средства военных орденов, урезал излишние государственные расходы и даже сократил пенсии, назначенные Фердинандом и Изабеллой. В этот короткий период он также нашел время направить на Испаньолу комиссию для расследования положения туземцев и предпринял серьезную попытку прекратить приток негров-рабов в новые колонии. 17 сентября 1517 года Карл высадился в Испании. Вскоре Хименес, достаточно послуживший государю, удалился в свою епархию и умер менее чем через два месяца. Закончилась эпоха, превратившая Испанию в единое государство. Занималась заря новой эры – на этот раз за океаном.

Эрнан Кортес. Вероятно, это наиболее достоверный портрет конкистадора; рисунок Вейдица, встречавшегося с ним позже в Испании

Часть вторая
Кортес

Глава 1
Прелюдия к конкисте

Кортес отплыл в страну, названную позже Новая Испания, 10 февраля 1519 года. Ему тогда было тридцать три, и пятнадцать лет, почти половину своей жизни, он провел в Индиях. Он служил нотариусом, секретарем-казначеем Веласкеса, высокопоставленным гражданским чиновником, вел дела в быстро растущей столице колонии, и до этого момента его, казалось, вполне устраивало место на периферии открытий. В Санто-Доминго, столицу Испаньолы, стекались новости обо всем, что происходило в Новом Свете. За экспедицией Пинсона – Солиса 1508–1509 годов, дошедшей в поисках прохода в Азию через Юкатан и Гондурас до бразильского побережья, последовала, между 1509 – м и 1511 годами, закончившаяся катастрофической попыткой Охеды и Никуэзы закрепиться на побережье материка между Венесуэлой и Гондурасом. Наконец, Бальбоа и Писарро основали колонию в Дарьене. К тому времени была покорена Ямайка, а Диего Веласкес, одним из помощников которого служил Кортес,

колонизировал Кубу. В 1513 году Понсе де Леон, погубивший здоровье во время двухлетней кампании в Пуэрто-Рико, заблудившись в бесплодных поисках некоего невероятного фонтана юности, после множества лишений открыл Флориду. И, что самое впечатляющее, в сентябре того же года Бальбоа вышел к Тихому океану.

В 1514 году Педрариас прибыл из Испании в качестве губернатора Дарьена, теперь именуемого провинцией Тьерра-Фирме[20]. С ним прибыл и Берналь Диас, чья необыкновенная книга «Подлинная история завоевания Новой Испании» даст нам возможность увидеть поход Кортеса в Мексику глазами свидетеля. Берналь Диас приходился дальним родственником Диего Веласкесу и потому присоединился к нему на Кубе. Однако после «трех бесплодных лет» в Тьерра-Фирме и на Кубе он снова готов был попытать счастья, когда в 1517 году Эрнандес де Кордова предпринял первую реальную попытку проникнуть на побережье Карибского моря севернее Тьерра-Фирме и колонизировать его.

Эта экспедиция Кордовы, в которой участвовало три судна и 110 человек, отплыла о февраля 1517 года, направляясь на Юкатан, расположенный непосредственно напротив мыса Сан-Антонио на западной оконечности Кубы. Однако сначала они, по всей видимости, направились на север, через Большую Багамскую банку к Андросу и другим островам Багамской группы. Веласкес приказал им привезти ин-

[20] Тьерра-Фирме – твердая (материковая) Земля *(лат.). (Примеч. перев.)*

дейцев в качестве платы за судно, выделенное экспедиции в кредит. Учитывая отношение испанцев к карибам, сомнительно, чтобы руководители экспедиции отказались выполнить этот приказ на основании того, что они не работорговцы. Однако факт остается фактом: экспедиция не вернулась на Кубу, а направилась вдоль северного побережья к Сан-Антонио, что показывает, что подлинной целью этого рискованного путешествия в опасные и не нанесенные на карты воды был жемчуг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.